

Онтология или аналитика рассудка? Долгое расставание Канта с онтологией*

І. О состоянии проблемы в «Критике чистого разума»

Кант использует слово «онтология» (а именно, существительное «онтология»¹) во всей «Критике чистого разума» – в произведении на

* Вниманию читателя предлагается перевод работы Н. Хинске *Ontologie oder Analytik des Verstandes? Kants langer Abschied von der Ontologie // Quaestio. Annuario di storia della metafisica. Bd. 9. Entstehung und Entwicklungen der Ontologie (XVI–XXI Jahrhundert) / Hrsg. von C. Esposito in Zusammenarbeit mit M. Lamanna. Turnhout: Brepols, 2009. S. 303–309.*

Норберт Хинске (род. 1931) – профессор философии, доктор теологии, один из наиболее значительных и авторитетных современных кантоведов. В 1949–1956 гг. изучал философию, католическую теологию и классическую филологию в университетах Франкфурта на Майне, Мюнхена, Фрайбурга и Берлина. Преподавал в Свободном университете Берлина, университете Трира, университете Йены. Автор монографий: *Kants Weg zur Transzendentalphilosophie. Der dreißigjährige Kant* (Stuttgart, 1970); *Das Thema der Philosophie. Zur Lage der Philosophie in der Gegenwart* (Trier, 1975); *Kant als Herausforderung an die Gegenwart* (Freiburg, 1980); *Lebenserfahrung und Philosophie* (Stuttgart-Bad Cannstatt, 1986); *Die Kritik der reinen Vernunft und der Freiraum des Glaubens. Zur Kantinterpretation des Jenaer Frühkantianismus* (Erlangen, 1995); *Zwischen Aufklärung und Vernunftkritik. Studien zum Kantschen Logikcorpus* (Stuttgart-Bad Cannstatt, 1998). На русском языке опубликованы следующие его работы: *Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта; Без примечаний: Афоризмы. М., 2007; Хинске Н. «Критика чистого разума» и сфера свободы для веры. К вопросу о восприятии Канта ранним иенским кантианством // Разум и экзистенция. СПб., 1999; Хинске Н. Позднее нетерпение Канта: Послесловие к «Пролегоменам» // Философия и история философии. Актуальные проблемы. К 90-летию академика Т.И. Ойзермана. М., 2004; Хинске Н. Кантовское разрешение антиномии свободы или неприкасаемое ядро совести // Вопросы философии. 2005. № 2.; Хинске Н. Значение проблемы метода в мышлении Канта. О связи догматического, полемического, скептического и критического метода // Иммануил Кант: Наследие и проект. М., 2007. – Прим. ред.*

¹ Значительно чаще (19 раз) употребляется прилагательное «онтологический». Это связано прежде всего с тем, что Кант привнес в «Критику чистого разума»

928 страницах – всего 3 раза: 2 раза в его немецкой и 1 раз в его латинской форме. Однако употребление какого-либо термина вряд ли могло оказаться более противоречивым и вводящим в заблуждение. Практически в конце «Трансцендентальной аналитики» говорится: «Основоположения рассудка суть лишь принципы экспозиции явлений, и гордое имя онтологии, притязавшей на то, чтобы давать синтетические познания а priori о вещах вообще в виде синтетического учения... должно быть заменено скромным именем простой аналитики чистого рассудка» (В 303 / А 246)². Расставание с онтологией вряд ли могло быть сформулировано яснее. Напротив, в «Архитектонике чистого разума» 570 страницами позже Кант, подводя итоги, объясняет, как если бы ничего не произошло: «Таким образом, вся система метафизики состоит из четырех главных частей: 1) онтологии, 2) рациональной физиологии, 3) рациональной космологии; 4) рациональной теологии» (В 874 / А 846)³. И, как будто бы не желая оставить место каким-нибудь сомнениям в том, что он тем самым ссылается на Вольфа и его школу, Кант, в свойственной ему манере, для термина трансцендентальной философии или онтологии добавляет в скобках латинский аналог: «Трансцендентальная философия... рассматривает только сам рассудок и разум в системе всех понятий и основоположений, относящихся к предметам вообще, причем объекты, которые были бы даны (Ontologia), не принимаются в расчет» (В 873 / А 845)⁴. «Предметы вообще» (или «вещи вообще») в этой связи (так же как, например, у Вольфа или Тетенса) соответствуют прежним *ens inquantum ens* или же *ens qua ens* (ὄν ᾗ ὄν). Так какое же из этих двух столь отличных высказываний в действительности выражает взгляд Канта?

Любые приукрашивания или умаления серьезности вопроса здесь больше не помогают. Надежда при помощи более глубокого понима-

свое намного более раннее различие между онтологическим и космологическим доказательством бытия Бога из своего сочинения «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» (А 199).

² Печатные работы Канта будут цитироваться по изданию Вильгельма Вайшеделя: *Kant I. Werke in sechs Bänden*. Darmstadt, 1983 (1956–1964), по приведенной там пагинации оригинальных изданий: «А» соответствует первому изданию, «В» – второму. Далее немецкая пагинация будет указываться в самом тексте в скобках, указания же на русский перевод будут приводиться в сносках. Русский перевод цитированного высказывания: *Кант И. Критика чистого разума* // Соч. на нем. и рус. яз.: В 4 т. Т. 2. Ч. 1 / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Гушлинга. М., 2006. С. 401.

³ *Кант И. Критика чистого разума*. С. 1059.

⁴ Там же. С. 1057.

ния «Критики чистого разума» разрешить подобные разногласия всегда приводила лишь к новым поверхностным интерпретациям. Скорее, здесь, как и во многих других местах этого труда, незаменима сухая филологическая работа. Без обращения к разработанной Файхингером, Адикесом, Кемпом Смитом и другими так называемой *patchwork theory* («лоскутной» теории происхождения «Критики чистого разума») подобного рода противоречия не могут быть поняты⁵. Какие бы отдельные возражения (отчасти, в высшей степени оправданные) не приводились против этой кажущейся «нефилософской» теории, но именно в рассматриваемом случае нельзя пройти мимо ее основной идеи. Если «Критику чистого разума», «результаты своих по меньшей мере двенадцатилетних размышлений», Кант действительно, как он сам пишет, изложил на бумаге «как бы на ходу в течение каких-нибудь четырех или пяти месяцев» (X 345)⁶, это может означать только то, что написание труда в значительной мере состоялось в более или менее редакционном соединении до этого долгое время независимо друг от друга разрабатываемых частей, а следовательно, что в труде, в конце концов, практически неизбежно должны были переплестись самые разнообразные фазы развития. Это правомерно также и для обсуждаемой здесь проблемы.

Тем не менее, кантовское напряженное отношение к онтологии еще в недостаточной степени исследовалось при помощи обращения к *patchwork theory*. Здесь имеет значение разработка разных мыслительных фаз Канта по отдельности. Для этого необходимо обратиться, по крайней мере, к 1770 г., так как напряжение между аналитикой рассудка и онтологией, которое потом явственно выступит на первый план в «Критике чистого разума», присутствует уже и в диссертации Канта «De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis» 1770 г., а именно в развиваемой там теории рассудка. Но диссертация 1770 г., в отличие от «Критики чистого разума», представляет собой

⁵ Ср.: *Kalter A. Kants vierter Paralogismus. Eine entwicklungsgeschichtliche Untersuchung zum Paralogismuskapitel der ersten Ausgabe der Kritik der reinen Vernunft*. Meisenheim am Glan, 1975. S. 2–43.

⁶ Письма и черновые наброски Канта будут цитироваться по изданию Прусской академии наук. Римские цифры без дальнейших добавлений обозначают номер тома, арабские – номер страницы в этом издании. Далее немецкая пагинация будет указываться в самом тексте в скобках, указания же на русский перевод будут приводиться в сносках. Русский перевод цитированного высказывания: *Кант И. Письмо к М. Мендельсону от 16 августа 1783 г.* // *Кант И. Соч.*: В 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 8. М., 1994. С. 513. № 206.

работу, написанную на одном дыхании, в совокупности всего лишь за несколько месяцев. В напряжении между аналитикой рассудка и онтологией кроется действительная проблема.

II. Кантовская теория реального применения рассудка в диссертации 1770 г.

В пятом параграфе диссертации Кант настойчиво различает двоякое применение рассудка: логическое и реальное применение, *usus intellectus logicus* и *usus intellectus realis*: «Прежде всего нужно отметить, что применение рассудка... бывает двоякое: во-первых, *реальное*, когда *даются* сами понятия либо вещей, либо отношений; во-вторых, *логическое*, когда понятия – откуда бы они ни были даны – только *подчиняются* друг другу» (§ 5; A 8)⁷. Логическое применение рассудка имеет только упорядочивающую функцию. В независимости от того, откуда проистекают представления – из сферы чувственности или из сферы чистого рассудка, – везде оно ставит их в иерархию: «В самом деле, данное каким бы то ни было образом познание рассматривается или как заключающееся в признаке, общем многим [вещам], или как противоположное этому признаку». «Итак, когда даны чувственные познания, то при помощи логического применения рассудка они подчиняются другим чувственным познаниям как общим понятиям, а явления подчиняются более общим законам явлений» (§ 5; A 8–9)⁸. Совсем иначе дело обстоит с реальным применением рассудка. Оно относится только к таким понятиям, которые проистекают не из опыта, а конструируются самим рассудком в форме «изначального приобретения» (*ursprüngliche Erwerbung, acquisitio originaria*), которые, таким образом, порождаются рассудком не «из опыта» (*ex experimentia*), но лишь «по случаю опыта» (*occasione experimentiae*) (§ 8; A 11)⁹. Здесь, в качестве примеров, Кант приводит понятия «возможности, бытия, необходимости, субстанции, причины

⁷ Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1994. С. 286.

⁸ Там же. С. 286–287.

⁹ Там же. С. 289. Ср.: Oberhausen M. Das neue Apriori. Kants Lehre von der ‚ursprünglichen Erwerbung‘ apriorischer Vorstellungen. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1997; а также подробную рецензию на книгу Сильвестро Маркучи в: Studi Kantiani. 11. 1998. S. 165–170. Русский перевод цитированного высказывания: Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1994. С. 289.

и прочие с противоположными им или соотнесенными с ними понятиями» (*possibilitas, existentia, necessitas, substantia, causa etc. cum suis oppositis aut correlatis*) (там же), т. е. то, что позднее будет названо категориями. Так как эти понятия проистекают не из чувственного познания, они, следовательно, также не подлежат и его ограничениям. Они представляют вещи не такими, «какими они нам являются» (*uti apparent*), но так, «как они существуют [на самом деле]» (*sicuti sunt*) (§ 4; A 8)¹⁰.

Кант не развил в диссертации специальной теории реального применения рассудка, хотя он и воспринимал такую теорию как настоятельное пожелание (ср. § 23; A 29)¹¹. Она была бы, исходя из его собственных намеков, не только теорией вещей, каковы они есть на самом деле¹², т. е. онтологией в собственном смысле, но и совершенно определенным видом логики – так сказать, реальной логикой или «изложением законов чистого разума» (*expositio legum rationis purae*) (§ 23; A 29)¹³. В параграфе 9 диссертации речь также со всей отчетливостью

¹⁰ Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира. С. 285.

¹¹ Там же. С. 309–310.

¹² Латинская формулировка «sicuti sunt» лучше выражает до конца сохраняющуюся у Канта постановку проблемы, нежели вызывающая возражения речь о «Dinge an sich», которая дала повод ко столь многим недоразумениям в истории кантовской рецепции. Человеческим суждениям свойственно – в различной модальности – не подлежащее устранению утверждение (Affirmation) о том, что нечто суть (ist) таково. Даже самый прожженный скептик не может обойти этого утверждения (всё *суть* [ist] сомнительно). Чувственное познание – а это означает одновременно: совокупное опытное познание – не способно, однако, исполнить эту претензию «так как все, что содержится в познании чувственного, зависит от особого свойства субъекта, а именно, насколько он способен благодаря присутствию субъектов к тому или иному видоизменению, которое может быть различным у разных субъектов, поскольку они различны» (Там же. С. 285; *speciali indole subiecti... quae, pro varietate subiectorum, in diversis potest esse diversa*; § 4; A 7). В диссертации Кант пытается отстаивать эту претензию при помощи чистых рассудочных понятий, которые не подлежат подобному ограничению. Именно поэтому онтология в диссертации занимает свое законное и неоспариваемое место. Но в тот момент, когда Кант пришел к пониманию, что чистые рассудочные понятия обладают лишь упорядочивающей функцией в отношении опыта, утверждение при вынесении суждений остается для Канта нерешаемым теоретическим путем. Утверждение оказывается лишь скачком без конкретного предмета. В этом-то и состоит, собственно говоря, основание кантовской речи о вещах самих по себе, а не, например, в поиске причины аффицирования чувственности.

¹³ Там же. С. 310.

идет и об основоположениях чистого рассудка, «как их излагает онтология» (*qualia exhibit ontologia*) (§ 9; A 11)¹⁴. Реальная логика (или аналитика рассудка) и онтология явно представляются Канту в это время одним и тем же, или двумя сторонами одной и той же медали.

III. Замена реального применения рассудка трансцендентальным

Кант намеревался расширить эту диссертацию на «несколько [печатных] листов», т. е. примерно на 50 или 60 страниц, для того чтобы «издать ее к ближайшей [книжной] ярмарке» (X 98)¹⁵, что в течение десятилетия и привело, в конце концов, к возникновению «Критики чистого разума». Как бы со временем Кант ни отдалялся от определенных положений своей диссертации, это, на первый взгляд, чисто академическое сочинение, появление которого было обусловлено внешними обстоятельствами, до самого конца оставалось для него центральным пунктом, в котором сходились его размышления. Без основательного осмысления диссертации в значительной степени вообще невозможно понять «Критику чистого разума». В письме бывшему ученику Марку Герцу от 1 мая 1781 г., где сообщается о выходе работы из печати, Кант пишет: «Эта книга содержит все те разнообразные исследования, имеющие дело с понятиями, о которых мы совместно диспутировали, именуя их *mundi sensibilis* и *intelligibilis*» (X 266). Это нечто иное, нежели просто вежливая отговорка. Уже рассуждение, касающееся «употребления терминов *mundus sensibilis* и *intelligibilis*» (B 312 / A 256)¹⁶ в «Критике чистого разума», указывает на связь с диссертацией особенно отчетливо. Однако, вероятно, необходимо сделать еще один шаг: тот, кто сам по себе не обеспокоен вопросом, какая же позиция Канта – которую он занимал в 1770 г. или в 1781 г. – является сейчас наиболее убедительной, едва ли сможет постичь тот ход мысли, который в конечном итоге привел к «Критике чистого разума».

Первым важным шагом на пути к «Критике» стал вопрос о возможности полностью охватить все категории. В диссертации он ограничился только примерами и перечислением, которое завершил, по-

¹⁴ Там же. С. 289.

¹⁵ Кант И. Письмо к И.Г. Ламберту от 2 сентября 1770 г. // Кант И. Соч.: В 8 т. Т. 8. С. 482. № 57.

¹⁶ Кант И. Критика чистого разума. С. 411.

добно Тетенсу, et cetera (§ 8; A 11)¹⁷. Однако уже в своем знаменитом письме Марку Герцу от 21 февраля 1772 г. Кант писал, что «старался подвести трансцендентальную философию, а именно все понятия совершенно чистого разума, под определенное число категорий, но не так, как это сделал Аристотель, поставивший их в своих десяти категориях рядом друг с другом чисто случайно, в том виде, как он их нашел, а так, как они сами собой распределяются по классам согласно немногим основным законам рассудка» (X 132)¹⁸. Позднее в «Критике чистого разума» из этих «немногих основных законов рассудка», или «отвлеченных от присущих уму законов» (*e legibus menti insitis*) (§ 8; A 11)¹⁹, как это по-вольфиански именуется в диссертации, появится таблица двенадцати форм суждений. С одной стороны, это означает следующее: категории онтологии могут быть полностью схвачены только в обращении к логике. Онтология в силу внутренней необходимости оказывается зависимой от логики. Однако, с другой стороны, это означает, что логика выполняет вспомогательную функцию относительно онтологии. Лишь мельком отметим то, что Кант здесь впервые использует выражение «категория» – понятие, которое впоследствии в «Критике чистого разума» встретится почти 200 раз²⁰.

Обозначить многочисленные мыслительные ходы, которые, в конце концов, привели Канта к позиции, представленной в «Критике чистого разума», – такая задача могла бы стать темой для обширной книги. Здесь же необходимо кратко указать только на один важный пункт. В течение ряда лет Кант пришел к тому, чтобы для всех трех видов *metaphysicae specialis*, а именно рациональной психологии, трансцендентальной космологии и натуральной теологии, открыть нечто вроде основополагающего конституирующего заблуждения, которое укоренено в самом разуме: так называемые паралогизмы, антиномии чистого разума и путаницу с трансцендентальным идеалом.

¹⁷ Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллибельного мира. С. 289.

¹⁸ Кант И. Письмо к И.Г. Ламберту от 2 сентября 1770 г. С. 489–490.

¹⁹ Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллибельного мира. С. 289.

²⁰ См.: Tonelli G. Das Wiederaufleben der deutsch-aristotelischen Terminologie bei Kant während der Entstehung der «Kritik der reinen Vernunft» // Archiv für Begriffsgeschichte. 9. 1964. S. 233–242. В итальянском переводе перепечатано в: Tonelli G. Da Leibniz a Kant. Saggi sul pensiero del Settecento / A cura di C. Cesa. Neapel, 1987. P. 169–180.

Напротив, в том, что касается *metaphysica generalis*, т. е. онтологии, дело обстоит иначе. Она страдает только от «распространенного предвзвешивания» людей принимать «явления... за вещи сами по себе» (В 768 / А 740)²¹. Однако от наивного убеждения человека, будто с его познавательными способностями он может понимать действительность как таковую, очевидно, нет никакого лекарства. К настоящему времени оно, однако, возрождается в отдельных науках, начиная с теории эволюции и заканчивая нейробиологией. То, что их понятия всегда служат лишь «экспозицией явлений» (В 303 / А 246)²², с трудом укладывается у людей в голове. Это слишком противоречит утвердительному характеру, присущему всякому типу суждений.

Важнейший ход, который следует обсуждать в этой связи, состоит во введении нового, резко противоположного диссертации, функционального определения чистых рассудочных понятий, т. е. основных понятий предшествующей онтологии. В «Рефлексии» за номером 4172 рукописного наследия, где по смыслу совершенно точно имеется отсылка к восьмому параграфу диссертации, значится следующее: «Понятия, данные посредством разума прежде всякого опыта, хотя и абстрагированные по поводу опыта от законов разума, напр., [понятие] основания, суть формы, запечатленные упорядочивающему рассудку для употребления в опыте» (XVII 443). Теперь понятия чистого рассудка отсылают только к «вещам, как они являются», а не к «вещам самим по себе». В действительности, они служат только тому, чтобы привести порядок в то, с чем человек имеет дело. Однако если это верно уже для высших основных понятий онтологии, то еще в большей степени это относится ко всем остальным понятиям и основоположениям людей, которыми те в той или иной форме пользуются по умолчанию. Поэтому предельным предназначением чистых рассудочных понятий является лишь определение границ человеческого познания. Это подразумевает не только метафизику, но также и отдельные науки²³.

В этом также заключается причина того, почему Кант с этого момента не может больше говорить о «реальном» применении рассудка.

²¹ Кант И. Критика чистого разума. С. 937.

²² Там же. С. 401.

²³ См.: Hinske N. Die Kritik der reinen Vernunft und der Freiraum des Glaubens. Zur Kantinterpretation des Jenaer Frühkantismus. Erlangen, Jena, 1995. В итальянском варианте: Pirillo N. (Hg.) Kant e la filosofia della religione. Brescia, 1996. Bd. 1. S. 25–38.

Ему пришлось, скорее, искать новое, более подходящее понятие. Подобно многим другим «мыслящим людям», он также столкнулся с тем, что «затрудняется найти термин». Однако «изобретать новые слова» казалось ему тем же, что «притязать на законодательство в языке, что редко увенчивается успехом» (В 368 f. / А 312)²⁴. Выйти из этого затруднения он смог при помощи термина «трансцендентальный». Вместо «реального применения рассудка» (XVI 34) теперь это стало называться «трансцендентальным применением рассудка»: «...чистые категории, без формальных условий чувственности, имеют только трансцендентальное значение, но не имеют никакого трансцендентального употребления» (В 305 / А 248)²⁵. Как бы непристойно это ни звучало, но понятие трансцендентального является для Канта прежде всего понятием для выхода из затруднительного положения. С его помощью Кант собирался не примкнуть к весьма длительной и почтенной традиции, но подобрать наиболее точный термин для собственных размышлений. Но, разумеется, можно исходить из того, что Кант уже в студенческие годы отдавал себе отчет об онтологических и метафизических коннотациях этого понятия (возможно, и в самом деле прежде всего благодаря Францу Альберту Эпинусу²⁶, как это убедительно показал Франческо Томмази²⁷). В том числе и на этом основании онтологическая интерпретация Канта по-прежнему остается легитимной областью кантоведения.

Перевод Л.Э. Крыштон и А.М. Харитоновой
под ред. А.Н. Круглова

²⁴ Кант И. Критика чистого разума. С. 477.

²⁵ Там же. С. 403.

²⁶ Стоит заметить, что Эпинус не был «вольфианцем», как об этом говорится в третьем томе нового издания сочинений И.Н. Тетенса (см.: Tetens J.N. Die philosophischen Werke. Bd. 3: Kleinere Schriften. Tl. 1 / Hrsg. von H.-J. Engfer. Hildesheim, 2005. S. XV), а являлся чрезвычайно характерным представителем позднего немецкого аристотелизма.

²⁷ См.: Tommasi F.V. Philosophia transcendentalis. La questione antepredicativa e l'analogia tra la Scolastica e Kant. Firenze, 2008. Cap. II.